

раз в «Северном наблюдателе», вполне в духе корсаковских псевдонимов «Русского пустынного»: Азий Непоседов, Никандр Шумовский, Ификрат Тихин («провинциальный студент»). Та же игра в псевдонимы еще раз появляется в «Северном наблюдателе» в № 18 и 19 (октябрь-ноябрь), в «Московской переписке», где «Письмо третье» (№ 19) [9, с. 168] снова подписано «Азий Непоседов», а в начале письма первого (№ 18) [10, с. 29] имеется обращение «Г. Русский пустынный» и упоминание о «последнем моем письме из Новгорода» с прямой ссылкой на № 15 «Русского пустынного» (с. 36), где помещено письмо «из Новгорода», подписанное «Азий Непоседов».

Сравнивая случай употребления типичного для «Русского пустынного», т. е. самого Корсакова, псевдонима, да еще с прямыми отсылками к «Русскому пустынному», с псевдонимом под рецензией на «Богатонова» в 1-м номере «Северного наблюдателя», только что заменившего «Русского пустынного», мы приходим к выводу, что и «Ювенал Беневольский» — это Корсаков. В «Северном наблюдателе» (№ 23) в фельетоне «Несколько портретов» [11, с. 299—306] — его окончание в № 24 подписано «Русский пустынный» [12, с. 327] — приводятся письма некоего «Евсея Быстреева» — аналога «Ювенала Беневольского», «Карпа Рыбицина» (в «Русском пустынном») и т. д. В судебной тяжбе Евсей Быстреев оказывается на стороне «Г. Богатонова»!

«В том, что образом главного героя авторы метили именно в Корсакова, — доказывает С. А. Фомичев, — убеждает сопоставление текста пьесы... также с комедией Корсакова „Тетушка Маремьяна или Превращение“. Впервые представлена пьеса была 29 апреля 1814 г. В ней мы находим ряд сцен, пародийно использованных в „Студенте“, — например, явление 8, д. 1, где Нарцис принимает служанку за свою невесту (сравни явление 9, д. 1 „Студент“)» [1, с. 89 и прим. 7]. И далее: «...Этот типаж (коломенский старожил) был издевательски совмещен в комедии „Студент“ с героем „Тетушки Маремьяны“ (Нарцисом Романовичем)... Так был образован остов комедии „Студент“, причем если декламация Нарциса Романовича пародировала авторов трагедий, то Евлампий Аристархович (Беневольский), естественно, был превращен в любителя легкой поэзии» [1, с. 90].

Нарцис в продолжение всей пьесы принимает сестру хозяина Маремьяну за свою невесту, Беневольский же принимает за свою невесту жену Звездова. И если Нарцис принимает сначала горничную за свою невесту, то Беневольский принимает свою невесту Вареньку за горничную. Варенька уходит, и Беневольский в разговоре с появившимся слугой называет Вареньку «горничной», на что Иван сообщает ему, что он разговаривал не со служанкой, а со своей невестой. «Станет ли, сударь, горничная растабарывать с молодым незнакомым господином, глаз на глаз, среди бела дня, где все люди ходят?». Беневольский: «Полно, братец, нынче горничные везде, всегда и со всеми разговаривают. Я это читал во всех новых комедиях, а комедия зеркало света».

Именно к этому месту «Студента» относится замечание С. А. Фомичева о том, что в пьесе обыграно рассуждение о «разбитных служанках, содержавшееся в рецензии Ювенала Беневольского» [1, с. 90 и прим. 10]. Беневольский-Корсаков пишет: «Еще одно примечание: служанка, подобная Анжоте, есть, по мнению моему, лицо, свойственное иностранной, а не русской комедии: у нас служанки не беседуют столь явным образом с господами. Знаю, что многие писатели, и писатели известные, вводили их в свои комедии, но истинно русские комики убежали сего недостатка: Фонвизин вовсе изгнал горничных из своих пьес, а Крылов поставил их в таком расстоянии, в котором они не могут оскорблять правдоподобия, первого из всех театральных правил» [8, с. 26]. Именно это высказывание Беневольского-Корсакова, находящееся в тексте в целом хвалебной рецензии на «Богатонова», было удачно использовано в «Сту-